

Принять или не принять этого мужчину или женщину в «семейство» Чернышевского — «вопрос трудный». Возможно даже, если принять — «это преступление» (XII, 103). Но с четвертой стороны спрашивается, в чем преступление? Из этого следует вопрос: с чего же приходится, что я ей отец?» (XII, 103). Таким образом, Чернышевский склонен признать себя «отцом» молодежи, несогласной с его программой, и считает возможным установить «родственные связи» между «семейством» Чернышевского и революционной молодежью при условии, если они достигнут взаимопонимания.

Так как во время беседы с Лизаветой Антоновной Чернышевскому 31 год, то спор в революционном подполье, о котором идет речь в «Алферьеве» относится к 1859 г. — времени назревания революционной ситуации, обострившей разногласия между «черными» и «белыми» по вопросу о сроках революции и тактике революционной борьбы.

На основании спора Чернышевского с Дятловой можно предположить, что, говоря о «белых», Чернышевский имел в виду ту «экзальтированную» молодежь, которая настаивала на немедленных революционных действиях, рассчитывая на стихийное движение масс крестьянства и личный героизм революционеров, и выступила в 1862 г. с открытым изложением своей программы в прокламации «Молодая Россия».

М. В. Нечкина высказала предположение, что жаркие устные споры сторонников Чернышевского с молодежью начались до опубликования прокламации «Молодая Россия»²⁶. Чернышевский выступает против «белых» и их требований немедленных действий, которые, по его убеждению, обрекают революцию на неудачу и ведут к «людским жертвам без числа», о чем он писал также в романе «Что делать?»

Чернышевский указывает в «Алферьеве», что «белые» были связаны с «французскими магазинами», где они обучались, как надо действовать «теперь», т. е. заимствовали во Франции некоторые приемы революционной борьбы. Возможно, что название подпольной группы — «белые» было связано с именем французского революционера О. Бланки — «blanc» значит «белый», пропагандировавшего террор как один из важнейших тактических приемов.

Как и в романе «Что делать», в «Алферьеве» точку зрения «белых» отстаивает женщина, порвавшая со своим «семейством», «страшная формалистка», «медуза педантизма» (XII, 125). И в том и в другом случае Чернышевский высказывает недоверие, вполне ли лица, которые стремятся объединиться с «семейством» Чернышевского, разделяют его программу. «Траур» дамы — «возможно, каприз», а Лизавета Антоновна насчет своих родных «сильно замаскировала», она была «хитрая девушка», но «как бы хитер ни был человек, шила в мешке не утаишь» (XII, 105).

Впервые в «Алферьеве» Чернышевский намекает, что тот, с кем он спорит, возможно, не женщина, а мужчина. В нарочито запутанном в целях конспирации рассуждении, возможны ли родственные связи между «черными» и «белыми», сказано: «не разберешь, мужчина или женщина и каких лет» добивается войти в контакт с «семейством» Чернышевского (XII, 103).

Кто же, по мнению Чернышевского, стоял во главе движения молодежи, стремившейся к немедленным революционным действиям?

«Дама в трауре» и Лизавета Антоновна Дятлова, как можно думать, псевдонимы лиц, которые возглавляли движение «буйной» молодежи или сочувствовали ей. Имеется ряд оснований предполагать, что, рисуя «даму в трауре», Чернышевский имел в виду М. Бакунина. Это личности, выдающиеся по уму, силе воли, принципиальности, преданности своим гражданским идеалам. По характеристике Чернышевского, «дама

²⁶ Нечкина М. В. К вопросу о взаимоотношениях «Молодой России» с «Землей и Волей». — В кн.: Революционная ситуация в России 1859—1861 гг. М., 1962, с. 235.